

Е.А. Волжанина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: nyabako@mail.ru

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ И СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ НЕНЦЕВ ЯМАЛА В XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Анализируются данные Всесоюзной переписи 1959 г. и всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. об образовании и занятости ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа с использованием методов статистического анализа: статистическое наблюдение, сводка и группировка материалов, расчет абсолютных и относительных величин. Уровень образования характеризуется в динамике, показаны различия между возрастными группами у мужчин и женщин. При распределении по занятиям и видам экономической деятельности обращается внимание на различия в уровне образования и занятости ненцев в городе и сельской местности. В целом полученные результаты свидетельствуют о значительных изменениях в образовательной структуре ненцев, произошедших во второй половине XX в., и существенном образовательном потенциале у них, позволяющем реализовывать себя в разных экономических секторах. Тем не менее цифры распределения по источникам средств существования показывают, что он остается нереализованным, а на рынке труда ненцы уступают в конкуренции русским. Выход из сложившейся ситуации найден самими ненцами путем использования ресурсов традиционного хозяйства, где они не имеют конкурентов.

Ключевые слова: *ненцы, Ямало-Ненецкий автономный округ, Всероссийская перепись населения, Всесоюзная перепись населения, уровень образования, распределение по полу, возрастным группам и уровню образования, виды экономической деятельности, занятость населения, источники средств существования.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-169-180

В научных исследованиях, посвященных проблемам коренных малочисленных народов Севера, образование и занятость рассматриваются как одни из ключевых категорий, характеризующих их благополучие и этнический потенциал. Соответствующие вопросы изначально были включены в переписные листы всеобщих переписей населения, а в сельской местности для них предусматривалась отдельная графа в похозяйственной книге. Характеристика образования и структуры занятости стала неотъемлемой частью этнографических обзоров, составляемых Северной экспедицией Института этнографии по результатам полевой работы в районах проживания коренных народов Севера во второй половине XX в. и посвященных социалистическим преобразованиям и этническим процессам в их среде [Батьянова, 2013]. Характеризуя социально-культурную и экономическую ситуацию в местах компактного проживания этнических групп, в соответствии требованиями национальной политики в СССР о выравнивании уровней развития различных национальных общностей [Преобразования..., 1970; Современные этнические процессы..., 1975], они также свидетельствовали о степени их включенности в доминирующее общество и об интернационализации [Попков, 2000, с. 125]. Полагая, что образовательный уровень и занятость в определенных сферах труда способствуют возникновению межнациональных семей, на них обращали пристальное внимание при анализе социального положения супругов в смешанных семьях коренных народов Севера [Мархинин, Удалова, 1997; Афанасьева, Симченко, 2006].

Ухудшение социально-экономической ситуации как в стране, так и в северных регионах в период преобразований общественно-экономических отношений конца XX в. способствовало актуализации изучения проблем занятости в последних и разработки концепций их дальнейшего развития [Соколова, 1995; Неотрадиционализм..., 1994]. Итоги социально-экономических и этнокультурных изменений, происходивших в этот период, подводятся в коллективной монографии «Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России» [2012]. Отмечая на современном этапе отход от традиционных видов деятельности, исследователи вместе с тем указывают на медленное «встраивание» аборигенов в систему производственных отношений индустриального общества» [Там же, с. 71].

Эстафету изучения социально-экономического положения в районах проживания коренных народов Севера в конце XX в. подхватили социологи, использующие собственные подходы и инструментарий. В частности, для наиболее наглядной демонстрации различий между поколениями в образовании и занятости народов Севера, высоких темпов произошедших изменений, разных стартовых позиций коренного и пришлого населения в социологических опросах данные сведения записываются со слов респондента для него самого и его родителей [Попков, Тюгашев, 2007; Хайруллина, 2005, 2016]. При констатации чаще всего негативной ситуации в области образования и труда все эти работы объединяет вывод о необходимости повышения образовательного уровня и трудовой занятости народов Севера для лучшей их адаптации к новым социально-экономическим условиям при переходе от традиционного кочевого образа жизни к городскому или поселковому с использованием кочевниками современных научно-технических достижений в быту и хозяйстве. Априори предполагается, что высокий уровень образованности является ключом к благополучию.

Таким образом, к настоящему времени накопился большой объем научной литературы, на страницах которой рассматриваются образовательный уровень и сферы приложения труда северных народов, проживающих как в отдельно взятом сельском поселении, так и районе, городе, округе или крае, с опорой на массовые статистические данные книг похозяйственного учета, всеобщих переписей населения и социологических опросов. Вместе с тем историографический анализ показывает, что для изучения динамики изменений этих показателей практически не использовались материалы всесоюзных и всероссийских переписей населения XX и XXI вв. В представленной статье сделана попытка восполнить этот пробел на примере ненцев, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе, а для выявления общих и особенных тенденций проводится сравнительный анализ с русским населением. При этом изучаются данные Всесоюзной переписи 1959 г. и всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. с применением методов статистического анализа: статистическое наблюдение, сводка и группировка материалов, расчет абсолютных и относительных величин.

Изменение уровня образования ненцев на протяжении XX — начала XXI в. характеризуется общими тенденциями, характерными для коренных народов Севера. К ним относятся рост числа образованных людей, разрыв в образовании родителей и детей, преобладание женщин в группах с высшим и средним специальным образованием, ориентация на нетехнические специальности, низкий уровень образования людей, занятых в традиционных отраслях хозяйства, и отставание по уровню образования от русского населения [Хайруллина, 2005, с. 156–159]. Занимая третье место по численности населения в Ямало-Ненецком автономном округе, ненцы, имеющие профессиональное образование, насчитывали в 2010 г. только 1,4 %, тогда как русские составляли 64,5 % (рассчитано по: [Всероссийская перепись 2010 г.]). В первом десятилетии XXI в. ненцы все еще существенно отстают от русских по образовательному уровню, но ситуация значительно улучшилась в XXI в. по сравнению с серединой XX в.

Сравнивая по уровню образования русское и ненецкое население, можно отметить, что тенденция повышения уровня образования является общей для обеих этнических групп (рис. 1а, б). Если в 1959 г. имели среднее общее образование (полное) 0,1 % ненцев, то в 2002 г. — 18,1 %, а в конце первого десятилетия XXI в. — 18,5 %. За 2002–2010 гг. среди городских ненцев сократилась доля людей с начальным профессиональным образованием с 9,3 до 5,3 %, и одновременно выросла доля людей с высшим образованием — с 6,8 до 10,7 %. Данный процесс наблюдается и в сельской местности, где за восемь лет заметно вырос процент людей со средним специальным, высшим и послевузовским образованием.

Существенное изменение образовательной структуры произошло у русских и ненцев, проживающих как в городе, так и в сельской местности, на протяжении двух поколений. Если по данным переписи 1959 г. среди русских преобладали лица с начальным (4 класса обучения), неполным средним (до 7 классов обучения¹) образованием и не имеющие начального общего образования, то в XXI в. — со средним специальным, высшим и средним общим образованием². Более того, образовательная структура у них одинакова и в городе, и в сельской местности (рис. 2а, б). У ненцев, большинство которых в 1959 г. не имело начального образования, в XXI в. преобладают лица с неполным средним³, начальным и средним общим (полным) образованием. Такой характер имеет распределение по уровню образования среди большинства ненецких мужчин и женщин в сельской

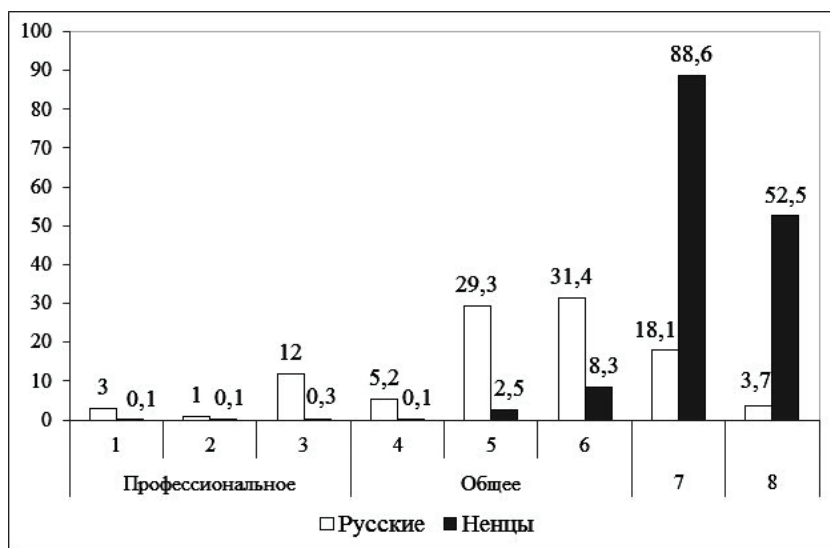
¹ На тот момент среднее основное образование равнялось 7 классам обучения.

² С 1989 г. 11 лет обучения.

³ 8 классов обучения для окончивших школу в 1958–1989 г. и 9 классов — с 1989 г. по настоящее время.

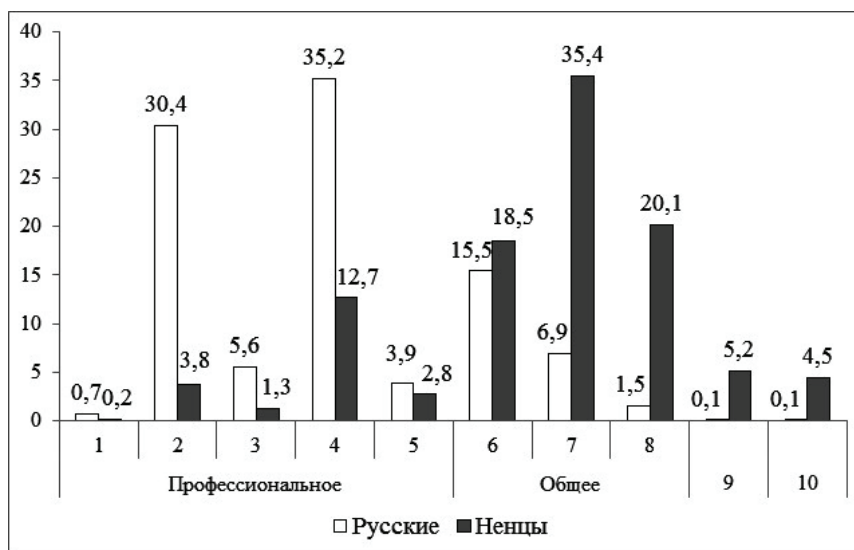
Уровень образования и структура занятости ненцев Ямала в XX — начале XXI в.

местности, влияя на средние окружные показатели. Данные, полученные для отдельных поселений, для кочевых и оседлых ненцев укладываются в общую тенденцию [ПМА].

Профессиональное: 1 — высшее; 2 — неполное высшее; 3 — среднее. Общее: 4 — среднее; 5 — основное; 6 — начальное; 7 — не имеющие начального общего образования; 8 — из них неграмотные.

а

Профессиональное: 1 — послевузовское; 2 — высшее; 3 — неполное высшее; 4 — среднее; 5 — начальное. Общее: 6 — среднее; 7 — основное; 8 — начальное; 9 — не имеющие начального общего образования; 10 — из них неграмотные.

б

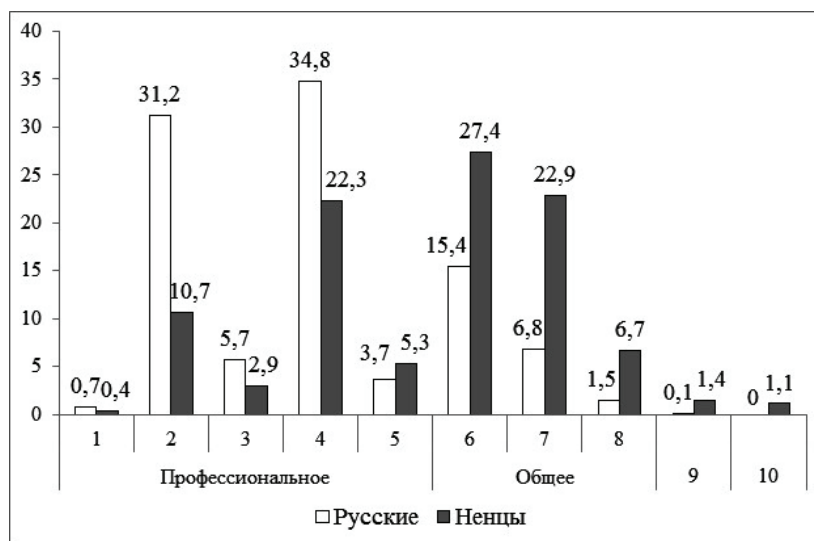
Рис. 1. Уровень образования русских и ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по данным переписей, % от общей численности каждой этнической группы:

а — Всесоюзная перепись 1959 г.; б — Всероссийская перепись 2010 г.

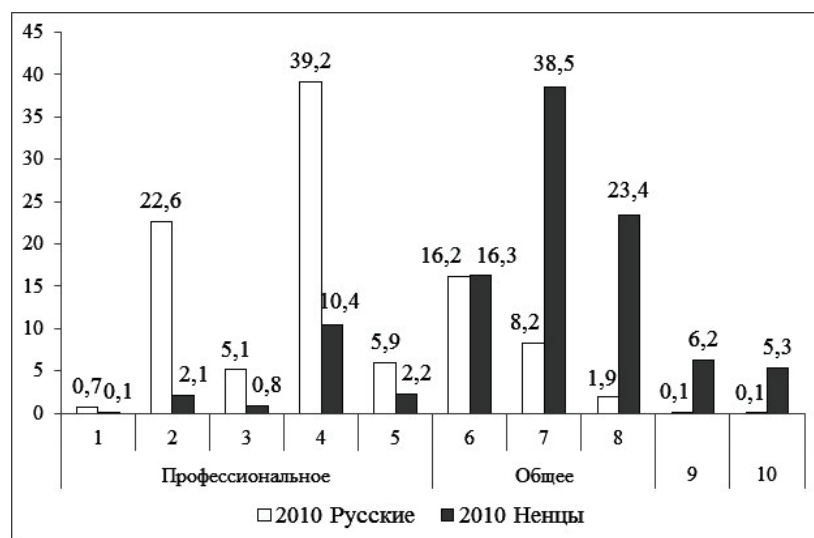
Источники для рис. 1, 2: 1959 г. — РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 3041, л. 155, 207; 2010 г. — Неопубликованные данные Всероссийской переписи 2010 г. Территориального органа Федеральной статистики по Тюменской области.

Fig. 1. Level of education of Russians and Nenetses of the Yamalo-Nenets Autonomous District according to census data, % of the total number of each ethnic group.

а — All-USSR Census 1959; б — All-Russian Census 2010.

а

б

Профессиональное: 1 — послевузовское; 2 — высшее; 3 — неполное высшее; 4 — среднее; 5 — начальное. Общее: 6 — среднее; 7 — основное; 8 — начальное; 9 — не имеющие начального общего образования; 10 — из них неграмотные.

Рис. 2. Уровень образования русских и ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по данным переписи 2010 г. по территориям проживания, % от общей численности каждой этнической группы: а — город; б — сельская местность.

Fig. 2. The level of education of Russians and Nenetses of the Yamalo-Nenets Autonomous District according to the 2010 census on the territories of residence, % of the total number of each ethnic group. а — Urban settlements; б — Countryside.

Наблюдается следующая особенность для городских ненцев. В середине XX в. у них первые два места занимали лица с неполным средним и начальным образованием, а третье — без образования. В XXI в. в образовательной структуре городских ненцев первое место занимают люди со средним общим образованием, второе — с неполным средним и третье — со средним специальным. На ситуации в городе отражается диспропорция полов в пользу женщин. У ненок-горожанок представлено среднее, среднее специальное и неполное среднее образование, которые у мужчин выстраиваются в другом порядке — неполное среднее, среднее и среднее специальное. В городе в

группе ненцев с высшим образованием женщин практически в три раза больше, чем мужчин. На уровне поселений в среде оседлых ненцев образованность женщин также выше, чем мужчин. Пример МО п. Сёяха Ямальского района показывает, что в группе лиц со средним специальным образованием у поселковых ненцев женщин в 4 раза больше, чем мужчин [ПМА]. По характеристикам образовательная структура ненцев, проживающих постоянно в поселке, близка к городской.

От переписи к переписи снижается доля неграмотных людей, с одной стороны, в силу естественного ее сокращения, с другой — ввиду тенденции повышения образовательного уровня населения. Ненцы, не имеющие начального общего образования, проживают главным образом в сельской местности. Если в 1959 г. они насчитывали более половины состава (52,5 %), то в 2010 г. — 4,5 %. Неграмотными являются люди, родившиеся в 1940 г. и раньше, т.е. те, кому на момент переписи в 2010 г. исполнилось 70 и более лет. Сведения об уровне образования городских ненцев подтверждают положение, что получение образования является одним из стимулов миграции в город. Поэтому образованность ненцев в городе выше, чем в сельской местности. Тем не менее в 2010 г. в городской группе лиц с высшим образованием ненцы насчитывают только 0,4 %, намного уступая русским (69 %) (рассчитано по: [Всероссийская перепись 2010 г.]).

В середине XX в. основное различие в уровнях образования между городом и селом у ненцев касалось наличия или отсутствия образования. По данным переписи 1959 г., в сельской местности ненцы, не имевшие начального образования, составляли 90,9 %, из них 54 % были неграмотными. Вместе с тем 81,3 % от общей численности ненцев, проживавших в городе, были образованными и имели неполное среднее и начальное образование. Данные 2010 г. позволяют говорить о качественном различии в образовании горожан и сельских жителей. В 2010 г. 41,6 % городских ненцев⁴ имели профессиональное образование. В сельской местности, где преимущественно большинство населения имеет общее образование, данный показатель составил 15,6 %.

Распределение ненцев по полу, возрасту и уровню образования показывает заметные гендерные различия в образовательном уровне, выражающиеся в преобладании женщин среди лиц с послевузовским⁵, высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, отмечаемые у коренных малочисленных народов Севера с середины XX в. и связанные с особенностью государственной образовательной политики в их отношении [Бурькин, 2002, с. 190]. Анализ уровня образования по возрастным группам на основании неопубликованных данных Всероссийской переписи 2010 г. позволил выявить особенности в изменении образовательной структуры ненцев и дальнейшее увеличение разрыва в уровне образования у мужчин и женщин.

Расчеты показали, что преобладание лиц с неполным средним, начальным и средним общим образованием среди ненцев началось с поколения, родившегося во второй половине 1950-х гг. и обучавшегося в 1960-х и начале 1970-х гг. Среди современных ненцев среднее и частично старшее поколение (30 лет и старше у мужчин и 40–69 лет у женщин в городе, 40–59 лет у женщин и мужчин в сельской местности) выглядят более образованными, чем молодое. В возрастной группе 40–49 лет у мужчин и женщин в городе преимущественно отмечается среднее, среднее специальное и высшее образование. Эти люди получили образование до распада СССР, когда школы проводили строгую политику охвата всеобщим обязательным образованием кочевого населения [Лярская, 2006, с. 243]. Как раз среди молодого поколения ненцев (15–34 лет) получило распространение неполное среднее и начальное образование, а затем уже — среднее общее образование. Это люди, чьи школьные годы пришлись на кризисные для России 1990-е гг. и начало XXI в. В настоящее время либеральная образовательная политика государства позволяет ненцам-тундровикам не отправлять детей в среднюю школу после окончания начальной или даже не окончивших начальную, если родители, оценивая способности своего ребенка и потенциальные возможности семьи, полагают, что для ведения традиционного кочевого хозяйства минимальный уровень образования является достаточным. В некоторых случаях возвращение детей из поселка в тундру к родителям становится вынужденной мерой со стороны педагогического коллектива школы-интерната, ради «спасения ребенка от цивилизации» [ПМА]. В этой связи отмечается высокий процент молодых людей с начальным образованием по сравнению со старшим поколением. Интересно отметить существование у тундровиков неписанных правил, касающихся родительской политики в отношении собственных детей, согласно которым с родителями в

⁴ Доля в общей численности городских ненцев.

⁵ Послелевузовское образование — это наивысший уровень основного профессионального образования, полученного с окончанием аспирантуры или докторантуры высших учебных заведений и др. на основании квалификационной работы.

чуме остается старший или младший сын в семье, а средние дети могут продолжить образование, если у них есть к этому склонность и способности, и остаться жить в поселке [Liarskaya, 2008, с. 37–38]. Единственный сын в семье должен остаться с оленями [ПМА, Ямальский район, 2013].

Результаты социологических исследований показывают существенный разрыв в образовании родителей и детей у ненцев-респондентов [Хайруллина, 2012, с. 323]. Анализ массовых статистических данных, наоборот, позволяет уточнить данный вывод и показывает отсутствие такого большого разрыва в уровне образования между поколениями у ненцев, проживающих в городе, а для ненцев мужчин — в сельской местности. Первое обусловлено оседанием в городе ненцев, получивших образование, и миграцией в города преимущественно наиболее образованной их части, второе — занятостью в традиционных отраслях хозяйства. Среди женщин, проживающих в сельской местности, и в первом десятилетии XXI в. доля неграмотных выше, чем в мужской части населения преимущественно за счет возрастных групп 50 лет и старше в силу низкой продолжительности жизни мужчин-ненцев. Неграмотные женщины, как правило, постоянно проживают в тундре и не владеют русским языком [ПМА].

Таблица 1

Распределение ненцев по полу и преобладающим занятиям по данным Всесоюзной переписи 1959 г., в % от общей численности

Table 1

Distribution of Nenetses by sex and prevailing occupations according to the data of the All-Union Census of 1959, in % of the total number

Занятия		Мужчины	Женщины
Указали занятия, чел.		3686/100	1342/100
1.	Рыболовство	41,4	38,7
2.	Сельскохозяйственные занятия, охрана и выращивание леса	25,9	20,9
3.	Охота	22,6	3,4
4.	Рабочие коммунального и хозяйственного обслуживания	0,5	21,8
5.	Строительство	2,3	—
6.	Прочие занятия на транспорте	1,3	0,5
7.	Занятия рабочих внеотраслевых групп	1	1
8.	Работники планирования и учета	0,6	1,5
9.	Текстильщики	0,2	2
10.	Руководители органов государственного управления и их структурных подразделений	0,4	0,6
11.	Работники коммунальных предприятий бытового обслуживания	0,4	0,3
12.	Научные работники, педагоги и воспитатели	0,2	1,3
13.	Занятия швейников	—	1,5
14.	Занятия на лесозаготовках и подсочке леса	0,4	0,7
15.	Занятия деревообработчиков	0,5	—
16.	Руководители предприятий (промышленных, строительных, сельскохозяйственных, лесного хозяйства, транспортных, связи) и их структурных подразделений	0,4	—
17.	Культурно-просветительные работники	0,2	0,4
18.	Занятия пищевиков	0,1	0,7
19.	Санитары, сиделки, няни	—	0,9
20.	Работники связи, почтальоны и письmonoсцы	0,13	0,4
21.	Инженерно-технические работники	0,2	0,1
22.	Занятия на силовых установках	0,3	—
23.	Занятия кожевников	—	0,9
24.	Занятия водников	0,3	—
25.	Занятия в общественном питании	0,03	0,7
26.	Руководители партийных, комсомольских, профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций и их структурных подразделений	0,1	0,2
27.	Работники торговли, общественного питания, заготовок, снабжения и сбыта	0,1	0,3
28.	Работники литературы и печати	0,1	0,1
29.	Медицинские работники	—	0,2
30.	Делопроизводственный персонал	—	0,4
31.	Прочие занятия*	0,4	0,5

Источник: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 2930, л. 197–224.

* В числе «прочих» занятия полиграфистов; агрономы, зоотехники, ветеринарные работники и лесничие; работники охраны социалистической собственности и общественного порядка; мойщики, занятия на подъемно-транспортных механизмах, формовщики; занятия в электрорадиопроизводстве.

Уровень образования и структура занятости ненцев Ямала в XX — начале XXI в.

Изменение образования повлекло за собой трансформацию структуры занятости коренных народов Севера, в которой с конца XX в. наряду с традиционными сельскохозяйственными занятиями (оленьеводство, охота и рыболовство) представлены различные виды современной деятельности. Ненцы не представляют исключения. Несмотря на фиксируемую социологами привлекательность традиционного труда в среде современного поколения ненцев [Хайруллина, 2005, с. 202; 2012, с. 341–342], доля занятого в нем населения неуклонно сокращается. В 1959 г. 82,8 % трудоспособного населения (в возрасте 15–64 года) было занято рыболовством, оленьеводством (пастухи, бригадиры) и охотой (табл. 1). Различия в профессиональной структуре мужчин и женщин обусловлены спецификой некоторых занятий, являющихся сугубо женскими или сугубо мужскими, гендерными различиями в образовании. Разный уровень образования мужчин и женщин привел к диспропорции полов в сферах занятости. Среди мужчин доля людей, занятых в традиционном секторе, оказалась выше, чем среди женщин: соответственно 89,9 и 63 % в общей их численности. В середине XX в. женщины не работали в строительстве, деревообработке, руководителями предприятий и структурных подразделений и в речном флоте, мужчин не было среди медицинских работников, санитаров, кожевников, делопроизводителей и швейников. В число наиболее распространенных «нетрадиционных» женских сфер деятельности входили занятия, связанные с коммунальным и хозяйственным обслуживанием (21,8 %), текстильным и швейным производством (работа в мехопошивочных мастерских), планированием и учетом (1,5 %), наукой и образованием (1,3 %), неквалифицированным трудом. В общей численности мужчин, указавших занятия, все новые виды труда, кроме работы в строительстве и транспорте, насчитывали менее 1 %.

В 2002 г. доля лиц, занятых в отраслях традиционного природопользования, сократилась до 57,2 % (табл. 2). Помимо традиционного сектора экономики ненцы заняты на административной и социальной работе, в торговле, образовании и медицине. Данные социологических опросов и похозяйственного учета показывают, что при общей тенденции сокращения занятости в традиционном секторе по-прежнему мужчин, занятых традиционным трудом, больше, чем женщин, в силу более высокого уровня образования, его специализации и широких возможностей найти подходящую «женскую» работу в поселке [Хайруллина, 2012, с. 322, 340]. Характеристики занятости ненцев отдельных национальных сельских поселений уверенно свидетельствуют, что специалистов и служащих среди женщин больше, чем среди мужчин [Квашнин, 2000; Пивнева, 2005, с. 196].

Таблица 2

Распределение ненцев по видам экономической деятельности (в возрасте 15–64 года) по данным Всероссийской переписи 2002 г.

Table 2

Distribution of Nenetses by economic activities (aged 15–64 years) according to the All-Russian Census of 2002

Виды экономической деятельности	Все население	Город	Село
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	37,7	8,5	42,3
Рыболовство, рыбоводство	19,5	9,7	21,0
Добыча полезных ископаемых	0,3	1,9	0,0
Обрабатывающие производства	1,8	2,1	1,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,5	0,4	0,5
Строительство	1,1	3,6	0,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	3,0	4,2	2,8
Гостиницы и рестораны	0,6	1,8	0,4
Транспорт и связь	1,4	3,5	1,1
Финансовая деятельность	0,1	0,6	0,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,7	3,5	1,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	4,1	10,1	3,1
Образование	16,6	26,3	15,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,3	14,5	5,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	4,8	8,0	4,3
Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства	—	—	—
Не распределенные по видам деятельности и неточно указавшие вид деятельности	0,5	1,4	0,4

Источник: Итоги..., 2006, с. 117, 119, 121.

Если мы будем рассматривать кочевые и оседлые группы ненцев отдельно, то отмечаемые гендерные различия окажутся не такими уж резкими. Е.В. Лярская замечательно продемонстрировала отсутствие «асимметрии» в выборе образа жизни, образовании и в брачном поведении среди мужчин и женщин ямальских ненцев [2010]. Хотя анализ современных данных подвергает сомнению, что данное положение вещей остается без изменений до сих пор. На мой взгляд, гендерные различия возникают в поселковой среде из-за численного преобладания женщин в поселке над мужчинами. Последнее стало результатом оттока «лишнего» женского населения из тундры с ростом численности ненцев в XX в. В то же время характерной чертой ненецкого традиционного общества является преобладание мужчин [Крупник, 1989, с. 92–93; Волжанина, 2010, с. 168–169]. Поэтому именно в женской среде получили распространение «поселковые» профессии, обуславливающие переход к оседлой жизни. До сих пор большинство из них занимает низшее звено в профессиональной структуре поселкового населения (няни, санитарки, уборщицы, разнорабочие) при небольшой доле медицинских работников, кассиров, бухгалтеров, воспитателей, поваров, швей и др., уступая русским. На сегодняшний день в северных поселках Ямала сложилась парадоксальная ситуация, когда выпускники высших и средних специальных учебных заведений из числа народов Севера не могут найти работу по специальности, так как все рабочие места уже заняты приезжими. Если раньше приглашение специалистов с «земли» было вынужденной мерой из-за отсутствия их среди местных жителей, то сейчас вакансии уже заняты. В некоторых учреждениях сложились местнические традиции, когда регулярно приглашаются специалисты из одного и того же региона [ПМА].

Таблица 3

**Распределение ненцев по занятиям (в возрасте 15–64 года)
по данным Всероссийской переписи 2002 г.**

Table 3

Distribution of Nenetses by occupation (aged 15–64) according to the All-Russian Census 2002

Занятия	Все население	Город	Село
Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	3,0	5,5	2,7
Специалисты высшего уровня квалификации	4,9	16,0	3,1
Специалисты среднего уровня квалификации	10,3	15,6	9,5
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	1,3	2,1	1,1
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	7,1	12,4	6,3
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства и рыболовства	38,6	6,9	43,5
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	7,5	8,8	7,3
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	2,9	4,9	2,6
Неквалифицированные рабочие	22,5	24,9	22,1
Занятые на военной службе	—	0,1	—
Лица, неточно указавшие или не указавшие занятия	1,9	2,8	1,8

Источник: Итоги..., 2006. с. 136, 138, 140.

В настоящее время доля специалистов среднего и высшего уровня квалификации значительно выросла как среди мужчин, так и среди женщин (табл. 3). Обращает на себя внимание, что в начале XXI в. доля неквалифицированных рабочих (22,5 %) оказалась ниже, чем квалифицированных работников сельского, охотничьего хозяйства и рыболовства (38,6 %). При этом в сельской местности их соотношение выглядит как 22,1 и 43,5 %. Неквалифицированные рабочие занимают первое место в структуре занятости городских ненцев (24,9 %), что соотносится с уровнем их образования (у 22,9 % городских ненцев неполное среднее образование). Одно из последних мест в профессиональной структуре принадлежит руководителям органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий (3 %), хотя доля их выросла по сравнению с 1959 г. (0,8 %). Подобная ситуация позволила говорить о повсеместном «вымывании» представителей коренного населения из властных структур, обусловленном не столько недостаточным их профессионализмом, сколько микроэтнокра-

тей, формирующейся на предприятиях и блокирующей им доступ к занятости, управлению и власти, «особенностью традиционного сознания, неготовностью организовывать жизнь региона в условиях современного, динамично развивающегося мира» [Попков, Тюгашев, 2007, с. 69–70]. Среди ненцев мало директоров школ-интернатов, крупных старейших сельскохозяйственных предприятий и рыбзаводов, глав сельских поселений. Только на севере Ямала в течение многих лет председателем Сёяхинского сельского совета был Николай Лачевич Окотэтто, в 2006 г. его сменил сын Игорь Окотэтто. В 2018 г. в Ямальском районе главы двух сельских поселений из шести являются ненцами [Ямальский район...], в Тазовском районе — только один из пяти [Ямало-Ненецкий автономный округ...].

В XX и XXI вв. мы можем говорить о разделении труда между городом и селом. Новые профессии представлены главным образом в городах и поселках городского типа. Люди, занятые в традиционном секторе экономики, проживают в сельской местности. Ведущими отраслями в среде городских ненцев являются образование, здравоохранение, предоставление социальных услуг, государственное управление и социальное обеспечение. В сельской местности на первом месте находятся сельское хозяйство и охота, затем — рыболовство и образование. В последние годы помимо традиционных хозяйственных занятий и приравненных к ним (оленоводство, рыболовство, охота, звероводство, пошив меховых изделий) появились новые, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции, этнотуризмом, изготовлением сувениров.

Существенные различия между русскими и ненцами наблюдаются в отношении источников средств существования. Доход от трудовой деятельности для вторых никогда не был ведущим, в отличие от русского населения, у которых он главный (рассчитано по: [Всероссийская перепись 2010 г.; Всероссийская перепись 2002 г.]). Однако доля людей с такими доходами среди ненцев заметно выросла в межпереписной период — с 18,8 % в 2002 г. до 25,5 % в 2010 г. В сельской местности данный показатель всегда был меньше, чем в городе. В селе в 2002 г. он составлял 17,9 %, а в 2010 г. — 23,1 %, в городе — 24,9 и 37,1 % соответственно.

Для русского населения как в городе, так и в сельской местности среди первых трех основных источников средств существования находятся доход от трудовой деятельности, проживание на иждивении отдельных лиц (как правило, дети) и пенсии. У ненцев распределение доходов выглядит по-другому, чем у русских. И в городе, и в сельской местности доля людей, живущих на иждивении, превышает 40 % в общей численности населения, затем идут разные виды государственного обеспечения (41,4 % в городе и 67 % в селе). В городе среди них на первом месте стоит стипендия (11,6 %), затем пособия (кроме пособия по безработице) и пенсии. В сельской местности стипендии отсутствуют, а доля пособий составляет 36,5 %. Это пособия на период отпуска по уходу за ребенком до полутора лет, а также детям из малообеспеченных семей, субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг и другие, что указывает на значительную долю социально неблагополучного населения в составе ненцев. В пользу последнего свидетельствует и то, что «другой вид государственного обеспечения», отмечаемый воспитанниками детских домов, учащимися школ-интернатов и лицами, живущими в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, т.е. находящимися на государственном обеспечении, также является относительно высоким по сравнению с русским населением, и его доля также выросла за восемь лет с 5,6 до 8,1 % (в сельской местности 8,7 %).

Среди полученных показателей примечательным является рост доли людей (с 6,4 до 21,4 %), рассчитывающих прежде всего на доходы от личного подсобного хозяйства. Данная тенденция характерна для сельского населения, где этот источник выше по значимости (25,7 %), чем доходы от трудовой деятельности, и указывает на факт распространения в составе ненцев группы экономически независимых хозяйств, обеспечивающих себя и реализующих на рынке продукцию оленеводства, рыболовного промысла, кустарных промыслов. Этому способствуют организация сети факторий, деятельность коммерческих организаций по закупке пантов и костяных рогов. Учитывая большую зависимость современных кочевников от покупных продуктов и промышленных товаров, следует отметить, что последний факт свидетельствует о повышении товарности кочевого хозяйства.

Как можем видеть, работа с данными всеосозных и всероссийских переписей населения, характеризующими уровень образования и занятость ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа во второй половине XX — первом десятилетии XXI в. позволила не только подтвердить и конкретизировать некоторые выводы, полученные в результате социологических опросов, но и получить совершенно новые результаты. В частности, анализ массовых данных показал тенденцию повышения образования в рассматриваемый период как у ненцев, так и у русских, а также изменение образова-

тельной структуры обеих групп. У русских данный процесс привел к выравниванию образования и нивелированию различий между городом и селом, в то время как у ненцев подобные различия сохраняются до сих пор. Благодаря мероприятиям государства ненцы сумели практически полностью ликвидировать неграмотность в своей среде за 50 лет. Результатом такого форсированного пути является разрыв в уровне образования между городской и сельской группами, обусловивший своеобразное разделение труда между ними. Полученное образование позволяет горожанам найти работу в сфере образования, здравоохранения, государственного управления и других, тогда как в сельской местности единственным источником работы по-прежнему остаются оленеводство, рыболовство, охота. Кроме того, по данным массовой статистики, отсутствует существенное различие в уровне образования родителей и детей среди городских ненцев. Настораживают следующие факты: среднее и старшее поколение у ненцев выглядит более образованным, чем молодежь, и наблюдается тенденция увеличения разницы в образовании мужчин и женщин. К числу предсказуемых последствий развития этой тенденции можно отнести рост межнациональных браков и семей, переезд прежде всего ненецких женщин в города и поселки и дефицит невест в тундре.

В целом полученные результаты говорят о значительных изменениях в образовательной структуре ненцев, произошедших во второй половине XX в., и о существенном образовательном потенциале у них, позволяющем реализовывать себя в разных экономических секторах. Однако цифры распределения по источникам средств существования свидетельствуют, что он остается нереализованным. На рынке труда ненцы уступают в конкуренции русским. Выход из сложившейся ситуации найден ими самими путем использования ресурсов традиционного хозяйства, где они не имеют конкурентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2930, 3041.
Материалы Всероссийской переписи 2002 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>.
Материалы Всероссийской переписи 2010 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2010.ru>.
Итоги Всероссийской переписи населения-2002: Статистический сборник в XI частях. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2006. Ч. IX: Коренные малочисленные народы в Тюменской области. 145 с.

Литература

- Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б.* Эмленские чукчи // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 69–104.
Батянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // ЭО. 2013. № 4. С. 17–34.
Бурыкин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // Расы и народы. М.: Наука, 2002. Вып. 28. С. 188–213.
Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
Квашнин Ю.Н. Сравнительные социально-демографические характеристики народов Западной Сибири: (Ненцы, ханты, сибирские татары) // Этнодемографический сборник: Народы Севера России. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 5–75.
Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
Лярская Е.В. «У них же все не как у людей...»: Некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого автономного округа о тундровиках // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 242–258.
Лярская Е.В. Женщины и тундра: Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 3–38.
Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтнические браки: Состояние, динамика, проблемные ситуации. Новосибирск: Наука, 1997. 236 с.
Неотрадиционализм на российском Севере: (Этническое возрождение малочисленных народов и государственная региональная политика). М.: Наука, 1994. 225 с.
Пивнева Е.А. Современный социальный портрет поселка Кутопьюган (по результатам экспедиции 2001 г. в Надымский район Ямало-Ненецкого автономного округа) // Полевые исследования ИЭА. М.: Наука, 2005. С. 187–197.
Полков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. 200 с.

Уровень образования и структура занятости ненцев Ямала в XX — начале XXI в.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: (Этносоциальный аспект). Новосибирск; Салехард: Банк культурной информации, 2007. 184 с.

Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. 278 с.

Север и северяне: Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М.: ИЭА РАН, 2012. 288 с.

Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975. 546 с.

Соколова З.П. Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера // Социально-экономическое и культурное развитие народов Сибири и Севера: Традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 5–42.

Хайруллина Н.Г. Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе // Ненцы Ямала: Кочевники и хранители традиций. Тюмень; Салехард: Феликс, 2005. С. 153–210.

Хайруллина Н.Г. Коренные народы Тюменской области: Взгляд социолога. Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. 476 с.

Хайруллина Н.Г. Оценка социальных аспектов жизнедеятельности коренного населения полуострова Ямал в условиях нефтегазового освоения // Человеческий потенциал освоения нефтегазовых ресурсов Арктики и Субарктики. Тюмень: ТИУ, 2016. С. 137–147.

Ямало-Ненецкий автономный округ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--p1ai/power/governor/>.

Ямальский район [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.mo-yamal.ru/portal/ms/sela>.

Lyarskaia E.V. Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf> 2008.

E.A. Volzhanina

Tyumen Scientific Center of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: nyabako@mail.ru

EDUCATION AND EMPLOYMENT STRUCTURE OF THE YAMAL NENETS IN THE 20th — EARLY 21st CENTURY

This article analyses data collected by the 1959 All-Union Census and the 2002 and 2010 All-Russian Censuses on the education and employment levels of the Nenets having lived and living in the Yamalo-Nenets Autonomous District, the Northern part of Western Siberia. We use statistical analysis methods, such as statistical observation, the summary and grouping of materials, the calculation of absolute and relative values in order to characterize the level of respondents' education, as well as differences between the age groups of men and women. The gender approach is also used to analyse the structure of employment. We draw attention to differences in education and employment levels among the Nenets residing in urban and rural areas. An analysis of the census data has allowed us not only to confirm and clarify some of the sociological survey conclusions, but also to obtain new results. Due to the efforts of the state, illiteracy among the Nenets was almost completely eliminated in 50 years. Such a coercive approach has led to a gap in the educational levels between urban and rural groups, thus resulting in a peculiar division of labour between them. It is shown that city dwellers can find jobs in the spheres of education, public health, public administration, etc.; however, the rural economic branches, such as reindeer husbandry, fishing and hunting, are still the only sources of work for rural dwellers. According to the mass statistics data on urban Nenets, there is no significant difference between the educational levels of parents and children. It is highly alarming that middle-aged people and older generations among the Nenets seem to be more educated than the youth. Another worrying trend is the growing gender gap in the education between men and women. It might be predicted that such trends would result in an increase in the number of interethnic marriages, migration of Nenets women to urban areas and a subsequent decrease in the number of female Nenets in the tundra areas. In general, our results indicate a significant change in educational levels among the Nenets, which occurred in the second half of the 20th century. This population is shown to possess a substantial educational potential, which could potentially be realized in various economic sectors. Nonetheless, the data on the distribution of the main sources of subsistence for the Nenets shows that this potential remains largely unfulfilled. The Nenets cannot compete successfully with Russians in the labour market. A possible solution to this problem is reliance on the resources of their traditional households, where the Nenets have no competitors.

Key words: the Nenets, Yamalo-Nenets Autonomous District, All-Russia censuses, All-USSR censuses, educational level, population distribution by sex, age and educational level, economic activity, population employment, sources of livelihood.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-169-180

REFERENCES

- Afanas'eva G.M., Simchenko Iu.B. (2006). Enmelen Chukchi. *Etnologicheskaja ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1981–1984 gody*, Moscow: IEA RAN, 69–104.
- Bat'ianova E.P. (2013). A North expedition of the Institute of Ethnography. *Etnographicheskoe obozrenie*, (4), 17–34.
- Bromlei Iu.V. (ed.) (1975). *Modern ethnic processes in the USSR*, Moscow: Nauka, 546 p.
- Burykin A.A. (2002). Some problems of socio-cultural development of small peoples of the Russian North in the light of the gender approach. *Rasy i narody*, (28), Moscow: Nauka, 188–213.
- Gurvich I.S., Dolgikh B.O. (eds.) (1970). *Transformations in economy and culture and ethnic processes among the peoples of the North*, Moscow: Nauka, 278 p.
- Khairullina N.G. (2005). Sociological diagnosis of the ethno-cultural situation in Yamalo-Nenets Autonomous District. *Nentsy Jamala: Kochevniki i khraniteli traditsii*, Tiumen'; Salekhard: Feliks, 153–210.
- Khairullina N.G. (2012). *Indigenous Peoples of Tyumen Region: A Sociologist's View*, Tiumen': TiumGNGU, 476 p.
- Khairullina N.G. (2016). Assessment of social aspects of the indigenous population's life sustaining activity on the Yamal Peninsula in conditions of oil and gas development. *Chelovecheskii potentsial osvoeniia neftegazovykh resursov Arktiki i Subarkтики*, Tiumen': TIU, 137–147.
- Krupnik I.I. (1989). *Arctic ethnoecology*, Moscow: Nauka, 272 p.
- Kvashnin Iu.N. (2000). Comparative socio-demographic characteristics of the peoples of Western Siberia: (Nenets, Khanty, Siberian Tatars). *Etnodemograficheskii sbornik: Narody Severa Rossii*, Moscow: IAE RAN, 5–75.
- Liarskaia E.V. (2006). «Nothing is the way it is supposed to be among them...»: Some stereotypical views of the teachers of Yamalo-Nenets Autonomous District on the tundra people. *Antropologicheskii forum*, (5), 242–258.
- Lyarskaia E.V. (2008). *Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they?* available at: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf> 2008.
- Liarskaia E.V. (2010). Women and the tundra. Is there a gender shift in Yamal? *Antropologicheskii forum*, (13), 3–38.
- Markhinin V.V., Udalova I.V. (1997). *Interethnic marriages: State, dynamics, problem situations*, Novosibirsk: Nauka, 236 p.
- Novikova N.I., Funk D.A. (eds.) (2012). *North and northerners. The current situation of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia*, Moscow: IEA RAN, 288 p.
- Pika A.I., Prokhorov B.B. (eds.) (1994). *Neo-traditionalism in the Russian North: (Ethnic revival of small peoples and state regional policy)*, Moscow, Nauka, 225 p.
- Pivneva E.A. (2005). A modern social portrait of the village of Kutopiugan (based on the results of a 2001 expedition to Nadym District of Yamalo-Nenets Autonomous Area). *Polevye issledovaniia Instituta etnologii i antropologii*, Moscow: Nauka, 187–197.
- Popkov Iu.V. (2000). *Internationalization in traditional and modern societies*, Novosibirsk: Izdatel'stvo IDMI, 200 p.
- Popkov Iu.V., Tiugashev E.A. (2007). *The current state of the traditional culture of the Samoyed and Finno-Ugric population of Yamalo-Nenets Autonomous District: (An ethno-social aspect)*, Novosibirsk; Salekhard: Bank kul'turnoi informatsii, 184 p.
- Sokolova Z.P. (1995). Conceptual approaches to the development of indigenous peoples of the North. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie narodov Sibiri i Severa: Traditsii i sovremennost'*, Moscow: Nauka, 5–42.
- Volzhanina E.A. (2010). *Ethno-demographic processes among the Yamal Nenets in the 20th — at the beginning of the 21st century*, Novosibirsk: Nauka, 312 p.